

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XIV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 25–27 апреля 2018 г.)**

**Выпуск 14
Том 2**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

С.В. Иванов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 300 с.: ил. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 27).

10. Голови́ев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

11. Васильев Е.А. Транскультурные традиции Северо-западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). 102 с.

12. Васильев Е.А. К вопросу о семантике ладьевидных сосудов сартынской культуры // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1985. С. 41–43.

13. Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: Сборник статей / Отв. ред. А.И. Боброва. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. 352 с.

Kalashnikova T.V. MEANS OF MOVEMENT OF THE SOUL IN THE CIRCLE OF TRANSITION IN ARCHEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHICAL INVESTIGATIONS OF WESTERN SIBERIA

With all the diversity of archaeological and ethnographic materials, researchers have been especially interested in almost all times, ritualistic activities of the ancients, which have survived to the present day in the form of ritual complexes, separate objects of worship, as well as relics that are still present in ethnography. Most of the recorded rituals are based on the ideas of addressing the ancestors and the idea of the world order (cosmos), carried out at the expense of the so-called. "Rites of passage".

Keywords: rite of passage, archaeological and ethnographic studies in Western Siberia, image of the boat.

В.О. Корепанова

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ УДМУРТОВ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор М.П. Черная

В статье рассматривается специфика удмуртского погребального обряда.

Погребальный обряд рассматривается с точки зрения обряда перехода.

Упор делается на этнографические и археологические источники.

Ключевые слова: удмурты, погребения, обряд перехода.

Важные вехи жизни человека в традиционных обществах сопровождалась определенными действиями. Для каждого народа характерна определенная культурная самобытность, однако общие черты все же прослеживаются во всех культурах. На протяжении долгого времени ученые

не рассматривали это явление как нечто самобытное, их интересовали ритуалы «дикарей» в целом. Многие видные исследователи, такие как Э. Тайлор и Дж. Фрэзер, О. Фрейденберг и Б. Малиновский писали труды, посвященные изучению обрядов первобытных народов. Все изменилось в 1909 г., когда в свет вышла книга французского фольклориста и этнографа Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода». В своей книге Геннеп подробно проанализировал данное явление и определил его как последовательность церемоний, сопровождающих переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) – в другой [1. С. 3]. Этот переход полностью менял жизнь человека, поскольку индивид в результате перехода познавал ранее неведомые ему тайны, учился жить в новых для него условиях и становился частью нового для него круга общения.

Выделялось два вида обрядов: календарные обряды и праздники и обряды жизненного цикла. В обрядах жизненного цикла А. ван Геннеп выделил особые категории обрядов перехода: «отделение», в основном представленное в погребальных церемониях, «включение» – в свадебных, и промежуточные, распространенные при беременности, обручении и инициации [1. С. 15]. В данной работе рассмотрению подлежит обряд отделения, т.е. погребальная церемония, которую мы разберем на примере одного из народов финно-угорской языковой семьи – удмуртов.

Удмурты – это народ, проживающий в районах Западного Приуралья, в бассейне р. Камы и Вятки. Вплоть до XVIII в. большинство удмуртов оставались язычниками, что также находило свое отражение в погребальном обряде.

Могильники носили сложные наименования. Непосредственно сам могильник назывался шай. К аппелятиву шай могли присоединить слово вуж – старый или древний (вужшай), имя воршуда – покровителя рода (Поломский чабьшай и др.), географические термины нюк – овраг (Новобийский шайнюк и др.), гурезь – гора (Верхнекоряжский шайгурезь и др.), гоп – лог, овраг (Старогыинский шайгоп и др.), сик – лес (Нязь-Ворцинский шайсик и т.д.) и т.п. По данным этнографов, младенцев, не получивших после рождения имени, хоронили на специальном кладбище, называемом нимтэмшай – кладбище безымянных [2. С. 55].

Чаще всего могильники располагались около водоемов, что, вероятнее всего, связано с представлением о том, что водный путь соединяет мир профанный и мир сакральный, поэтому душа таким образом быстрее найдет путь в загробный мир.

Согласно сведениям этнографии, кладбища воспринималось как поселение мёртвых, своеобразный антипод деревни. Поэтому чаще всего та-

кие места огораживались, а за пределами ограды рыли канаву, которая выполняла роль границы между миром живых и мертвых [2. С. 56].

По мнению И. Н. Смирнова, удмурты смотрят на смерть как на переход в другую жизнь, где человек сохраняет свою природу, потребности, привычки и обстановку [3. С. 184–185]. По их представлениям, умершие естественной смертью имеют дома, ведут более праздный образ жизни, редко работают. Молодые женятся, выходят замуж. Члены одного рода и семьи после смерти продолжали жить вместе, поэтому умерших сородичей хоронили на родовых кладбищах, приезжих же погребали на отдельных участках.

Традиция обязывала живых сородичей проявлять заботу об умерших, справляя по ним поминки на кладбище. Кроме поминок по недавно умершим, в определенные дни года – накануне некоторых праздников – устраивались общие поминки по всем умершим [4. С. 479].

Согласно представлениям, умерших должны были сопровождать предметы первой необходимости, поэтому в гроб клали различные вещи, которыми покойный пользовался при жизни: котелок, топор, нож. Умершим женщинам клали иголки, нитки. Основную массу сопровождающих вещей на удмуртских памятниках размещали в могиле так, как их носили умершие при жизни, однако иногда расположение вещей необычно. Например, отдельные бусины, жетоны могли быть сложены в изголовье, на груди, в ногах, между бедер, рассыпаны в области пояса и т.д. [2. С. 68].

По данным одних этнографов, у удмуртов существовала специальная погребальная одежда обязательно из белого холста – шорт-дэрем – традиционного туникообразного покроя. Женщина «уносила» в могилу и старинный национальный головной убор. По мнению других ученых, покойника одевали не обязательно в новую, но чистую, выстиранную одежду, преимущественно светлых тонов. Существуют сведения, что у северных удмуртов погребальной одеждой служило подвенечное платье. Кроме того, пожилых людей хоронили в лаптях, а нередко в валенках, шубе, надевали меховую шапку и варежки, пояс затягивали ремнем.

Инвентарь намеренно ломали и разбивали. По мнению Б. В. Каховского, эти действия вызывались представлениями о загробной жизни как о «зеркальном отражении» мира живых (сломанные на этом свете вещи будут целыми в потустороннем мире, правая рука станет левой и т. д.) [5. С. 123].

Умерших снабжали пищевыми продуктами, чтобы они не возвращались домой и не нарушали покой домашних. Кроме того, покойника нужно было обеспечивать пищей и позднее, после похорон, при совершении поминальных обрядов. Во время похорон в гроб клали хлеб, соль, мясо,

блины, ставили кумышку или вино; детям – лепешки, орехи из теста, яйцо или бутылочку с молоком.

После погребения осуществлялась поминальная тризна. При совершении особенно представительных и торжественных поминок приносили в жертву лошадь или корову. Причем жертвенным животным была лошадь, если умер мужчина, и корова, если умерла женщина. Для поминок предназначалось не все животное, а только голова, ноги и мясо с левого бока, внутренние органы, все же остальное семья употребляла по мере надобности. Малоимущие люди, не имеющие в запасе лишнего скота, покупали для этой цели у торговцев ноги и голову животного [2. С. 72].

До XVIII – начала XIX в. сохранились следы огненного культа. По этнографическим данным, удмурты после возвращения с кладбища «очищали» себя дымом, прыгая через огонь, обтирая руки, а иногда и посыпая себя золой из очага. Цель этих магических обрядов заключалась в том, чтобы обезопасить себя от контактов с покойником, чтобы смерть не распространялась дальше на живых, чтобы воспрепятствовать возвращению покойника, и он не тревожил живущих родственников. По мнению других исследователей, огонь был нужен умершему на том свете, так как загробный мир представлялся холодным, сырым и темным [2. С. 74].

Для удмуртов смерть не была чем-то страшным. Человек всего лишь переходил в другое состояние: конец был началом чего-то нового. Подобное явление прослеживается во всей переходной обрядности. Семантические категории начала и конца – универсальны и находят отражение в обрядности: начало – конец человеческой жизни (родины – похороны), возрастных этапов (пострижины, инициация, свадьба), календарного (проводы старого года и встреча нового, проводы масленицы) и трудового циклов (начало пахоты, сева, конец жатвы). При этом строго отлеживалось, чтобы обряды, присущие какому-то определенному этапу, не использовали в другое время. Нарушение подобного запрета могло привести к расстройству космического порядка, что, в свою очередь, привело бы к несчастьям и горестям [6. С. 80].

Таким образом, смерть – это конец жизни на этом свете, оформленный в виде погребальной церемонии как обряд отделения умершего от живых сородичей и обряд перехода, знаменующий начало новой жизни в ином мире. Конец, переходящий в начало. И так без конца...

Литература

1. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999 – 198 с.

2. *Шутова Н. И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.

3. *Смирнов И.Н.* Вотяки: историко-этнографический очерк. Казань, 1890. 351 с.

4. *Народы европейской части СССР*. Т. 2 / под ред. С.П. Толстого. М., 1964.

5. *Каховский Б.В.* Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваша. Сборник статей ЧНИИ, 1984. С. 123.

6. *Валенцова М.М.* Семантика начала и конца в календарной обрядности чехов и словаков // Слово и культура. Том 2. М., 1998. С. 74–81.

Korepanova O.V. SPECIFICITY OF UDMURT FUNERAL RITES

In the article the specificity of Udmurt funeral rites is considered. It is examined from the point of view transformational ritual. Ethnographic and archeological sources are stressed.

Keywords: the Udmurts, burials, transformational rituals.

И.А. Кравченко

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОГРЕБЕНИЙ С ЛИТЕЙНО-КУЗНЕЧНЫМ ИНВЕНТАРЕМ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент И.А. Дураков

В статье представлено описание захоронений женщин с оружием и литейно-кузнечным погребальным инвентарем из погребений могильников Сопка-2/4Б, Таргас-1 и Ростовка кротовской культуры Прииртышья. Приводятся сведения из этнографических и археологических источников, которые позволяют говорить, что исследуемые погребения отличаются от общепринятого стандарта. Это позволило сделать вывод о том, что по всей видимости в кротовской культуре сформировалась особая группа женщин, отличающаяся по своему социальному статусу. Эта группа была включена в производственные процессы металлообработки. Принадлежность к данной социальной группе передавалась по наследству. Особого внимания заслуживает появление образа женщины-воительницы.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, кротовская культура, погребение женщин с оружием и кузнечно-литейным инвентарем.

В период ранней бронзы по всей территории Евразии начинают появляться погребения с признаками профессиональной принадлежности умерших. Предположительно время начала появления таких погребений относится к сер. 3 – нач. 2 тысячелетия до н.э. Наиболее распространёнными погребениями с профессиональной принадлежностью по мнению